

Научная статья
УДК 811.161.1'373
doi: 10.17223/19986645/77/4

Грамматические средства выражения императивности в «Духовном регламенте» (1721): глагольные формы

Миляуша Габдрафовна Шарихина

*Институт лингвистических исследований Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия, justmilya@yandex.ru*

Аннотация. Исследуется деловой язык Петровской эпохи на материале памятника, в котором совмещаются языковые элементы церковной и светской письменности. Репертуар используемых в «Духовном регламенте» глагольных форм свидетельствует о его ориентации на церковно-книжную традицию. В то же время широкое употребление инфинитивных предложений может свидетельствовать о влиянии на язык этого сочинения светской деловой письменности как Петровского времени, так и предшествующих эпох. В целом состав и характер употребления глагольных форм отличают «Духовный регламент» от других документов петровского времени, подтверждая этим особое положение самого памятника и Православной церкви в системе государственного управления.

Ключевые слова: «Духовный регламент», деловой язык, Петровская эпоха, императивность, глагол, русский язык XVIII века

Источник финансирования: статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ 20-012-00338 «Система средств выражения императивности в русском деловом языке XVIII века».

Для цитирования: Шарихина М.Г. Грамматические средства выражения императивности в «Духовном регламенте» (1721): глагольные формы // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 77. С. 85–101. doi: 10.17223/19986645/77/4

Original article
doi: 10.17223/19986645/77/4

Grammatical means of expressing imperativeness in Dukhovnyy Reglament (Spiritual Regulation) (1721): Verb forms

Miliausha G. Sharikhina

*Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation, justmilya@yandex.ru*

Abstract. Dukhovnyy Reglament (Spiritual Regulation) (1721) was drawn up during the period of the formation of a new office work system and norms in Russian

culture and language. This document is specific since it is straightly related to the church law; therefore, it is of particular importance for the study of the business language of the Peter the Great era and the entire 18th century. The article analyzes one of the main categories of business language – the category of imperativeness. For this purpose, one way of expressing it – the predicate – was explored. A preliminary grammatical and lexical analysis of the Spiritual Regulation language revealed the widespread use of church literary elements and the elimination of archaic Church Slavonic phenomena. This feature made it possible to more accurately characterize the tradition of using verb forms in the text. The repertoire of verb forms used in the Regulation shows an orientation towards the church literary tradition. This is indicated, first of all, by the stable use of the present and future tense forms of verbs with the particle *da*, which, in the literature of previous centuries, are found in monuments with predominant church Slavonic language elements. The influence of the church literary tradition is also observed in the character of modal operators used with infinitives (for example, the verb *podobati*), which differs from the secular documents of Peter the Great's period. At the same time, the Spiritual Regulation recorded the use of the subjunctive mood. It was not characteristic of Church Slavonic business language and was based on colloquial language widely used in business language in the 16th–17th centuries. These forms are sharply reduced in *Pribavlenie k Dukhovnomu reglamentu* (Addition to the Spiritual Regulation) – a part of the document re-edited after the publication and republished in 1722. The comparative research of the main corpus of the Spiritual Regulation and the Addition revealed a tendency towards the church literary tradition (in particular, an increased use of the present and future tense forms of verbs with the particle *da*) in the latter. This could cause the reduction in using the subjunctive mood in the Addition. The most widespread means of expressing imperativeness in the Spiritual Regulation is an infinitive sentence. This may indicate the influence of the secular documents of Peter the Great's time on the language of the document under study. In general, the repertoire of the verb forms used in the Spiritual Regulation distinguishes it from other documents of that time, which confirms the special position of the monument itself and the Orthodox Church in the system of government.

Keywords: Spiritual Regulation, business language, Peter the Great's era, imperativeness, verb, Russian language of 18th century

Financing: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-00338.

For citation: Sharikhina, M.G. (2022) Grammatical means of expressing imperativeness in *Dukhovnyy Reglament* (Spiritual Regulation) (1721): Verb forms. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 77. pp. 85–101. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/77/4

Введение

В 2021 г. исполняется 300 лет со дня утверждения Петром I «Духовного регламента» (далее – ДР), памятника, историческое значение которого до настоящего времени оценивается по-разному. Это обусловлено его полемическим характером и общественно-культурной значимостью: помимо собственно регулирующей правовой информации в регламенте содержится историческое и социокультурное обоснование церковной реформы Петра I,

которая своей радикальностью вызвала глубокий раскол в обществе [1. С. 115–116; 2. С. 174–177]. ДР был исследован в основном в историко-культурном и социологическом аспектах¹. Вместе с тем рассматриваемый памятник представляет большой интерес с лингвистической точки зрения, так как он отражает становление новых деловых норм и новой системы делопроизводства. Кроме того, тот факт, что значение ДР «вышло за рамки инструкции для одной из петровских коллегий» [6. С. 433], формирует особенность его стилистики: в нем совмещаются элементы церковно-религиозного дискурса, делового и публицистического стилей².

ДР как документ, определяющий правовое положение Православной церкви, находится в русле церковно-правовой традиции, оказывая при этом значительное влияние на церковную документацию XVIII в. [8. С. 43; 7. С. 356]. В языке и стиле ДР отражается его жанрово-стилевая принадлежность к церковно-правовым памятникам, которые, с одной стороны, характеризуются как деловые памятники, а с другой – как тексты, относящиеся к церковно-религиозному дискурсу³. В современной языковой ситуации соотношение стилистических элементов устанавливается в пользу первого: «...официальная документация церковного прихода использует в первую очередь средства официально-делового стиля» [11. С. 614]. В то же время деловые тексты, относящиеся к церковно-религиозной сфере, имеют языковую специфику: «Так, вместо светских *заявлений* работники православных учреждений пишут *прошения*» [11. С. 615]. Кроме того, для них характерны использование маркированной лексики (архаичной, высокой, церковной), ссылки на тексты Священного Писания, святоотеческую литературу [12. С. 83–84].

Несмотря на очевидную актуальность исследования языка этого яркого памятника Петровской эпохи, до настоящего времени его подробное лингвистическое описание составлено не было. Рамки статьи не позволяют представить полный и всесторонний анализ языка ДР – в настоящем исследовании мы обратились к изучению средств, необходимых для выраже-

¹ Полный и всесторонний источниковедческий анализ ДР был проведен в начале прошлого столетия П.В. Верховским (см. [3]). Некоторые положения этого исследования были впоследствии дополнены и подробно рассмотрены в работах Н.Н. Бородкиной [1. С. 87–89, 101–103 и др.], В.М. Живова [4. С. 5–130], О.А. Крашенинковой [2], А.Р. Павлушкова [5].

² В связи с этим заслуживает внимания следующее замечание Н.С. Суворова: «В регламенте... есть нечто такое, чего собственно не должно бы быть в редакции закона, – изложение мотивов, опровержение ложных взглядов и обличение суеверий, – эта черта регламента объясняется временем и обстоятельствами, в которое и при которых законодатель должен был устанавливать церковный порядок: нужно было преодолевать не только пассивную инерцию в духовенстве, но и прямую его оппозицию императорским реформам» [7. С. 343].

³ В последние десятилетия в отношении системы функциональных стилей современного русского языка постулируется необходимость выделения особого религиозно-проповеднического (церковно-религиозного, религиозного) стиля [9. С. 72; 10. С. 288; 11. С. 612].

ния одной из основных категорий делового языка – императивности. Прежде чем приступить к предмету настоящей статьи, кратко охарактеризуем язык памятника.

1. Языковая характеристика «Духовного регламента»: краткий обзор

На уровне грамматики в языке ДР проявляется сознательный отказ его автора Феофана Прокоповича от церковно-книжных форм и конструкций. Так, в тексте памятника редко используются некоторые формы и синтаксические обороты, которые были частотны в произведениях Феофана Прокоповича более ранних периодов (киевского и раннего петербургского) [13. С. 77–79; 14. С. 13–43]. К ним относятся, например, следующие¹:

1. Смягченные задненебные во мн. числе существительных и местоимений мужского рода именительного падежа, например: *мнози* (ДР², 35, 94, 97), *человѣцы* (ДР, 10), *ученицы* (ДР, 40), *священницы* (ДР, 83), *участницы* (ДР, 60).
2. Аористы, например: *рѣхомъ* (ДР, 62), *изкоренишиася* (ДР, 94), *пріятъ* (ДР, 94), *заповѣда* (ДР, 97).
3. Формы существительных, образованные по типам склонений старых основ на *ѣ, *ї, *ѡ и согласный, например: *Церькве* (род. п. ед. ч.) (ДР, 36), *любве* (род. п. ед. ч.) (ДР, 89), *мужіе* (им. п. мн. ч.) (ДР, 36), *(между) ученіи* (ДР, 41), *(междо) семинаристы* (ДР, 44), *(с) родители* (ДР, 89).
4. Церковнославянские формы причастий, например: *вѣдѣй* (ДР, 53) *обѣщавый* (ДР, 83), *оставльшиася* (ДР, 93), *оболкшиася* (ДР, 94).
5. Обороты «винительный с инфинитивом» и «именительный с инфинитивом». Приведем примеры: *икону оную за самое обрѣтеніе свидѣтельствоваши быти чудотворную* (ДР, 15); *Приходящій ставленикъ, да имеетъ въ доношеніи извѣстное отъ прихожанъ своихъ свидѣтельство, что его знаютъ быти добраго челоуѣка* (ДР, 72); *таковая бо неблагообразія показуютъ ихъ быти ярѣжными* (ДР, 86).

В ряде случаев факт сознательности отказа от архаичных форм и конструкций подтверждается правкой, внесенной в черновик первого издания ДР³, опубликованный П.В. Верховским (ЧДР, 26–76, 83–105⁴). В частности, исследователь, анализируя характер внесенной правки, отметил, что в ней отражено «недовольство... употреблением славянских форм, напр.

¹ При исследовании языка ДР не учитывались многочисленные цитаты из церковнославянской литературы (книг Священного Писания, святоотеческой литературы и др.).

² Ссылки на «Духовный регламент» даются по изданию: Духовный регламент. М., 1776. В дальнейшем это издание обозначается сокращенно: ДР, номер страницы.

³ Первоначально составленный Феофаном Прокоповичем текст регламента был дополнен и отредактирован собственноручно Петром I и Феоодосием Яновским (в ту пору архимандрит Новгородского Спасо-Варлаамиева Хутынского монастыря). Кроме того, правка вносилась и самим Феофаном, вероятно, после обсуждения ее направления с Петром I.

⁴ Ссылки на черновик «Духовного регламента» даются по изданию П.В. Верховского [3. Т. 2. С. 26–76, 83–105]. Здесь и далее ссылки приводятся сокращенно: ЧДР, номер страницы.

„взыскуется“ вместо „обрѣтается“, „яко“ вместо „как“ ... и т.д.» [3. Т. 2. С. 15]. Между тем такого рода изменения весьма редки, грамматические замены¹ выявлены нами в следующих случаях:

1. Единичное исправление формы *правителю* (дат. п. м. р. ед. ч.) (ЧДР, 30) на *правителю* (ДР, 9);

2. Редкие замены оборотов «винительный с инфинитивом» и «имени- тельный с инфинитивом» на составное именное сказуемое, например: *видимъ оныхъ встѣхъ два роды быти* (ЧДР, 30) – *оныхъ встѣхъ два рода явля- ются* (ДР, 12); *сія здѣ послѣдующая мнятся быти вѣдѣнія достойная* (ЧДР, 39) – *Сія здѣ послѣдующая суть вѣдѣнія достойная* (ДР, 19) и др.

Характеризуя язык и стиль ДР как памятника русского права, важно отметить некоторые особенности употребления в нем деловой лексики. Она формируется в основном на базе славянизмов, однако включает неко- торые группы русской лексики. В частности, к ней относятся слова с при- ставкой *роз-/рос-*²: *розводъ* (ДР, 88), *розыск* (ДР, 56), *розыскать* (ДР, 13, 15, 28), *розыскивать* (ДР, 14, 15), *розыщик* (ДР, 45), *ростисаться* (ДР, 73), *ро- спрашивать* (ДР, 75), *роход* (ДР, 23, 100); ср.: *различіе* (ДР, 7), *разсужде- ніе* (ДР, 31, 42) и др.

Среди славянизмов в ДР активно используются композиты с компо- нентами *благо-*, *бого-*, *зло-* и некоторыми другими, например: *благо- говѣние* (ДР, 94, 98), *благоразумный* (ДР, 62), *благоуспѣшно* (ДР, 40), *доброхотство* (ДР, 40), *злодѣйство* (ДР, 74), *злообразіе* (ДР, 72, 94), *лю- бодѣйца* (ДР, 72), *любоначаліе* (ДР, 94]. Обычно они выражают в языке памятника морально-этическую оценку разных аспектов правового регу- лирования и употребляются в предписывающих контекстах: в описании правила, его причин, условий и цели, последствий его нарушения, допол- нительных обстоятельств, принимаемых во внимание при рассмотрении дел, например: *отъ сихъ вся злая на соблазнъ многимъ бывають, и вся- кому монастырскому благообразію, и церьковному благочинію, и мона- шескому благоговѣнію весьма на поруганіе* (ДР, 94); *Сія бо наипаче злодѣйствія, препинають дѣло пастырское, и злообразіе наносятъ чину духовному* (ДР, 72).

Характерным в языке ДР является частотное употребление славянизма *вина* в значении ‘причина, повод’³, например: *развѣ тое моглобъ иногда оставитися во дни великихъ праздниковъ, или при гостяхъ достойныхъ, или за иную нѣкую вину правильную* (ДР, 19); *когда и онымъ приидеть не- мощь великая, или важная вина, удерживающая ихъ внѣ монастыря, или прихода своего* (ДР, 20).

¹ Содержание правки описано П.В. Верховским в постраничных сносках.

² Для ораторской прозы Феофана Прокоповича лексемы с приставкой *роз-* не харак- терны: Л.Л. Кутина отметила только два случая (слова *розговор* и *ростыкати*) [15. С. 24–25].

³ Слово *причина* в ДР употребляется намного реже. Как указывает Л.Л. Кутина, «славя- низм *вина* принадлежит к самому частотному спектру словаря Прокоповича» [15. С. 31].

Слово *вина* в рассматриваемом значении (обычно в сочетаниях *благословная вина, правильная вина, важная вина*) является частотным существительным, используемым в описании обстоятельств, которые допускают нарушение устанавливаемых правил. Приведем примеры: *Братіи всей, и настоятелю, кромѣ общія трапезы, собственно по своимъ келліямъ не ясти кромѣ суція немощи, или иныя благословныя вины* (ДР, 93); *А есть ли Епископъ неученаго во оной школь челоувѣка поставитъ въ священники или въ монашескій степень, минувъ ученаго, и безъ вины правильной, то подлежитъ наказанію* (ДР, 22).

Итак, предварительный анализ языка ДР позволяет выделить в нем тенденцию к сближению с русским разговорным языком на фоне широкого употребления церковнославянских грамматических и лексических средств. Одновременно с этим в языке регламента преодолеваются архаичные церковнославянские явления, что обнаруживается прежде всего на грамматическом уровне.

2. Способы выражения сказуемых с семантикой императивности в «Духовном регламенте»

Язык и стиль ДР меняется на протяжении всего текста и является весьма разнородным. Во многом это стало результатом поэтапных изменений, внесенных в его текст¹. Для выявления динамики употребления грамматических форм текст регламента был условно разделен нами на четыре части: 1) до раздела о «домах училищных» (ДР, 6–33); 2) до раздела о «мирских особах» (ДР, 34–52); 3) до «Прибавления о правилах причта церковнаго и чина монашескаго» (ДР, 52–70); 4) «Прибавление о правилах причта церковнаго и чина монашескаго» (ДР, 71–102)². Указанные части хронологически соответствуют этапам правки, которые были выделены П.В. Верховским. Особо следует охарактеризовать работу над «Прибавлением о правилах причта церковнаго и чина монашескаго». Вероятно, оно было первоначально составлено одновременно с регламентом, так как было подписано и издано (с небольшим дополнением) вместе с ним в сентябре 1721 г. Между тем основным препятствием для его распространения стало то, что оно было опубликовано «без апробации» Петра I. В связи с этим потребовалось время для того, чтобы государь просмотрел текст «Прибавления» и дал разрешение на его публикацию. Результатом правки стало значительное расширение его объема и изменение редакций многих статей. Новая версия

¹ На основании исследования черновика и рукописных копий регламента П.В. Верховской установил, что правка его текста проводилась в несколько этапов в разное время (Верховской, 1916, I, 204–206; Верховской, 1916, II, 3–17).

² В приведенном делении не учитываются Манифест об учреждении Духовной коллегии, подписанный Петром I (ДР, 3–4) и Присяга членов Духовной коллегии (ДР, 4–6), так как эти части, официальные по своему характеру, не являются оригинальным сочинением Феофана Прокоповича.

«Прибавления» была напечатана в июне 1722 г. и добавлена к экземплярам ДР, изданным в феврале 1722 г. (Верховской 1916, I: 196–201). Таким образом, «Прибавление о правилах причта церковнаго и чина монашескаго» имеет отдельную от основного корпуса регламента историю создания и исправления, в связи с этим оно занимает особое место в структуре ДР.

В соответствии с предложенным делением в тексте ДР были проанализированы способы выражения сказуемых, имеющих императивную семантику. Статистические результаты представлены в форме таблицы.

**Способы выражения сказуемых с семантикой императивности
в «Духовном регламенте», %**

Способы выражения сказуемого		Часть 1	Часть 2	Часть 3	Часть 4
Инфинитив	Всего	44	60	62	72
	Без модальных операторов	16	24	24	48
	С модальными операторами	28	36	38	24
	<i>должен / должно</i> + инфинитив	15	13	18	15
	<i>мочь / можно, мощно</i> + инфинитив	5	13	3	4
Глагол в настоящем или будущем времени (без частицы <i>да</i>)		25	15	21	6
Глагол в сослагательном наклонении		14	17	13	4
<i>да</i> + глагол в настоящем или будущем времени		13	4	–	12
Другие модели		4	4	4	6

Как показывает приведенный материал, в разных частях регламента заметны колебания в выборе предпочтительного способа выражения сказуемого. Среди используемых форм ярко противопоставлены, с одной стороны, глаголы в изъявительном и сослагательном наклонении (резкое сокращение), а с другой – одиночный инфинитив (активизация). Тенденция к унификации способов выражения императивности с помощью глагольных форм наиболее ярко проявляется в части 4 («Прибавление»). Здесь употребительны инфинитивы (с модальными операторами и без них) и формы настоящего или будущего времени с частицей *да*.

В целом репертуар глагольных форм, используемых в ДР для выражения императивности, отражает его стилистическую принадлежность, с одной стороны, к церковной, а с другой – к светской деловой письменности петровского времени. Рассмотрим отдельно каждую форму.

2.1. Употребление инфинитива

Основным средством выражения императивности в ДР является сказуемое в форме инфинитива с различными модальными операторами или без них. Данные, приведенные в таблице, показывают, что на долю инфинитивов приходится около 2/3 всех способов выражения сказуемого в указанном значении. Широкое употребление инфинитивных предложений, возможно, обусловлено влиянием языка светской деловой письменности Пет-

ровской эпохи, в которой они активно употребляются, но с неодинаковой частотой в разных текстах [16. С. 39–42]. Принадлежность «Духовного регламента» к официально-деловой традиции Петровской эпохи создала условия для сближения его языка с памятниками светского (в частности, собственно делового) содержания. Находясь в контексте современных для исследуемого памятника законодательных актов и уставов, он усваивает необходимые для функционирования в деловой сфере стилевые компоненты. Это приводит к регулярной актуализации в его языке категории безличности и к расширению употребления инфинитива и инфинитивных конструкций. Ориентация на светские регламенты может подтверждаться ссылками на них, которые присутствуют в тексте ДР: *О дѣйствахъ Духовнѣя Коллегіи собственно здѣь ненаписано: понеже Царское Величество приказалъ действовать по Генеральному Регламенту* (ДР, 68); *по подобію показаннаго въ морскомъ Регламентѣ о такомъ покоѣ учрежденія* (ДР, 99).

В то же время указанная тенденция поддерживается традицией деловой письменности предшествующих периодов, в которой инфинитивные предложения занимали основное место [17. С. 59–60; 18. С. 279].

Особого рассмотрения заслуживает употребление в языке ДР инфинитива с частицей *бы*. Такие сочетания фиксируются в единичных случаях (всего 11), однако в черновике регламента они встречаются чаще. В ходе правки частица *бы* устранялась (всего пять случаев), например: *такожь опредѣлѣть бы, что оныя многочисленныя моленія... однако не суть всякому должныя* (ЧДР, 34) → *такожь опредѣлѣть, что оныя многочисленныя моленія .. однако не суть всякому должныя* (ДР, 13).

М.А. Соколова характеризует сочетание инфинитива с частицей *бы* как «способ оформления инфинитивных предложений, в которых элемент волеизъявления смягчается, в нем уже нет прямого требования, и он приобретает оттенок желательности, что и сообщается ему с помощью частицы *бы*» [17. С. 62]. Возможно, необходимость усилить императивный характер высказывания способствовала выходу из употребления при инфинитивах частицы *бы*.

Характерно распределение инфинитивов (без частицы *бы*) в основном корпусе «Духовного регламента» и в «Прибавлении». В последнем рассматриваемый способ выражения сказуемого отражен более чем в 2/3 случаев, что превышает количество употреблений в других частях регламента. При этом независимое употребление преобладает над сочетанием инфинитивов с модальными операторами, что также не свойственно основному корпусу ДР, для которого характерно разнообразие модальных операторов. Как отмечает И.Б. Кузьмина в исследовании глагольных форм с императивной семантикой в русском языке XI–XVII вв., использование безличных инфинитивных предложений было свойственно языку некоторых памятников церковно-учительного стиля, их семантика в этих текстах не отличалась от светских законодательных документов [19. С. 133]. Среди модальных операторов она выделила слова *подобает*, *лепо* и *достойт*.

В основной части ДР с инфинитивами сочетаются различные слова: *должен* (42 случая), *мочь* (35), *подобать* (25), *мощно* (*мочно* / *можно*) (24),

надобе (10), дерзнуть / дерзать (5), нужда есть / нужно есть (5), иметь (4), надлежит (4), нельзя (4), иметь (3), лучше (3), возможно (2), волно (2), добре (2), долженствовать (2), лучше (2), непригоже (1). В «Прибавлении» состав модальных слов, употребляющихся при инфинитиве, намного более ограничен: *должен* (20 случаев), *подобать* (4), *лучше* (3), *надлежит* (3), *долженствовать* (2), *мочь* (2), *мощно* (2), *добре* (1), *ненадобно* (1), *повелеть* (1). Таким образом, из слов, указанных И.Б. Кузьминой, в ДР используется только лексема *подобать*, при этом нужно подчеркнуть, что она встречается чаще многих других модальных слов.

М.А. Соколова, анализируя глаголы волеизъявления в памятниках XVI в., обратила внимание на распространение сочетаний инфинитива со словами *лучится*, *надобе(т)*, *достоит*, *подобает*, которые, по ее мнению, выражали семантику подчеркнутой необходимости выполнения предписываемой нормы [17. С. 63]. Среди них первые два использовались «в бытовой части „Домостроя“ (гл. 26–64) и реже в „Стоглаве“» [17. С. 63]. Кроме того, они широко употреблялись в актовых материалах («Акты исторические», «Акты юридические», «Акты Холмогорской и Устюжской епархий» и др.), а также в памятниках, ориентированных на народно-разговорную речь. Другие две лексемы (*достоит* и *подобает*) встречаются в первой части «Домостроя», (содержащей религиозно-нравственные поучения) и в «Стоглаве». Кроме того, слово *подобает* широко используется в церковно-книжной литературе: в «Изборнике Святослава» 1076 г., Стихираре XII в., «Прологе» XV в., «Великих Минеях-Четьих» и в других памятниках [17. С. 63–64].

По характеру употребления модальных операторов «Духовный регламент» отличается от светских регламентов петровского времени, где широкое распространение (вероятно, под влиянием польского языка) получили такие модели выражения повеления, как «*надлежит* + инфинитив» и «*иметь* + инфинитив» [16. С. 39–42]. В ДР эти модели, как видно из приведенного выше перечня, являются единичными. Следовательно, функционирование инфинитива в языке исследуемого памятника демонстрирует преемственность по отношению к церковно-книжной традиции. В то же время резкое увеличение независимого употребления инфинитивов в «Прибавлении» может свидетельствовать о влиянии светской деловой письменности петровского времени.

2.2. Употребление формы настоящего или будущего времени с частицей *да*

Статистика употребления этой формы в «Духовном регламенте» демонстрирует сначала ее сокращение, а затем активизацию в последней части («Прибавлении»). В целом ее стабильное использование в памятнике, в котором распространены церковнославянские грамматические и лексические средства, вполне закономерно. По характеристике И.Б. Кузьминой, в литературе предшествующих эпох *да*-формы встречаются в памятниках, в

которых, в той или иной мере распространены книжно-славянские элементы [19. С. 107]. Характеризуя их употребление в памятниках делового жанра, исследователь указывает на их распространение в документах канонического права и в грамотах духовных лиц [19. С. 110–111]. Приведем примеры из «Печатной книги Кормчей» и «Деяний московских соборов 1666 и 1667 годов»¹: *Никтоже себе да не о(т)мститъ самъ, мя ся правъ быти, но епископи да судятъ* (КК, 164 об.); *Аще отроча в дому нашедшая ради см(е)ртныя бѣды кр(е)щенно будет тогда сице да написано будет* (Деяния, 40).

В языке ДР формы настоящего и будущего времени глагола с частицей *да* синонимичны другим способам выражения сказуемого с семантикой императивности. Разные формы могут использоваться в семантически тождественных контекстах, например: *дѣвица же да пребываетъ непострижена до шестидесяти, или поне до пятидесяти лѣтъ* (ДР, 97) – тако *пребыти* (ему. – М.Ш.) *въ монастырь три лѣта неисходно въ кротости и трезвости* (ДР, 90); *обиды своя да предлагаетъ доношеніемъ духовному коллегіумъ, и тамо суда себѣ да проситъ* (ДР, 32–33) – *коллегіумъ розыскавъ истину, будетъ съ настояніемъ проситъ* суда, у подобающей мирской власти (ДР, 28) – *всякому Архимандриту, Игумену, Строителю, приходскому Священнику, такожь и діакономъ, и прочіимъ причетникамъ, свободно и вольно проситъ* у духовнаго коллегіумъ суда на своего Епископа (ДР, 33).

Кроме того, о синонимичности разных форм может свидетельствовать их употребление в одном контексте или в однородном ряду, например: *Есть ли каковый случай явится трудный и недоумѣваль бы Епископъ, что дѣлать: то первѣе да пишетъ о томъ, прося совѣта, ко иному ближайшему Епископу, или ко иному кому искусному: а по томъ, есть ли бы и такъ недоволенъ былъ, писалъ бы къ духовному коллегіумъ* (ДР, 19–20).

2.3. Употребление глаголов в форме настоящего и будущего времени без частицы *да*

В языке «Духовного регламента» глаголы в изъявительном наклонении без частицы *да* с императивной семантикой используются регулярно в основном корпусе памятника, в «Прибавлении» же они демонстрируют резкое сокращение. Рассмотрим отдельно указанные части памятника.

В частях 1–3 указанные формы фиксируются в диапазоне 15–25%, т.е. почти в четверти всех способов выражения сказуемого с семантикой императивности. В основном глаголы настоящего и будущего времени без частицы *да* употребляются при описании прав и обязанностей, а также последовательности действий, которые должны осуществлять священнослужители разных степеней священства и должностные лица. Приведем примеры: *Первѣе пошлетъ Епископъ ко оному* (грешнику. – М.Ш.) *его духовника ...А понеже яко явнымъ грѣхомъ и гордымъ, соблазнилъ Церковь,*

¹ Обращение к указанным памятникам имеет особую важность для анализа языка «Духовного регламента», так как они упоминаются в тексте «Прибавления» (ДР: 101).

то **умолять** его **станетъ** духовный, чтобъ въ близкій день праздничный принесъ отцу духовному покаяніе, и принялъ бы епитимію, и причастился бы Евхаристіи Святой при народѣ... А есть ли посольство оное вотще будетъ, то Епископъ спустивъ нѣкое время, **призоветъ** его къ себѣ честно съ прошеніемъ, и тоежде **повторитъ** ему наставленіе втайнѣ... А буде не поидетъ къ Епископу званный, то Епископъ тогожь духовнаго съ другими нѣкіими честными особами духовными и мирскими, наипаче съ приятельми онаго **пошлетъ** къ нему увѣщавать такъ, какъ и перьѣе (ДР, 25).

Как можно видеть из приведенных примеров, в таких случаях употребление глаголов обусловлено структурой фразы, в которой важно подчеркнуть порядок действий отдельного лица. Это исключает возможность использования инфинитивных предложений, в которых актуализируется действие, а не лицо.

В рассмотренном выше типе контекстов формы глаголов настоящего и будущего времени без частицы *да* могут вступать в синонимические отношения с другими формами, которые также входят в состав личных конструкций: глаголы настоящего и будущего времени с частицей *да*, инфинитивы с модальными операторами, сослагательное наклонение. Приведем примеры: *Такожь Эксаминаторы за лѣность во ученіи, съ малыми, средними и большими **поступать будутъ**, и Ректору **доносить*** (ДР, 45) – ср. также: ***долженъ** духовникъ не тако его за прямо исповѣданныя грѣхи прощенія и разрѣшенія **не сподоблять**, (не есть бо исповѣдь правильная, аще кто не всѣхъ беззаконій своихъ кается) но и **донести** вскорѣ о немъ, гдѣ надлежитъ* (ДР, 75); *есть ли который не читаетъ за лѣностію, того при прочихъ священникахъ **накажетъ*** (епископ. – М.Ш.) *по разсужденію* (ДР, 31) – ср. также: *Во всякой избѣ Префектъ **имѣетъ власть наказывать** себѣ подчиненныхъ за преступленіе* (ДР, 45).

Рассматриваемая форма широко употребляется в пассивных конструкциях (обычно в форме страдательного причастия с глаголом-связкой *быть* в настоящем или будущем времени), например: *А преступницы соборныхъ правилъ, отлученіемъ **наказуемы суть*** (ДР, 29); *Есть ли кто отъ учителей противень покажется Академичскимъ уставомъ, и непреклоненъ наставленію Ректорскому, таковаго Ректоръ объявить въ духовное коллегіумъ; и по слѣдованію **отставленъ**, или **наказанъ будетъ** по разсужденію* (ДР, 42).

Как было отмечено выше, в «Прибавлении» употребление глаголов настоящего и будущего времени без частицы *да* резко сокращается. В этой части они используются при описании должностных обязанностей либо меры наказания, применяемой к разным степеням священнослужителей или монахам. При этом в отличие от предшествующих разделов ДР в «Прибавлении» они обычно семантически тождественны другим способам выражения сказуемого, с которыми находятся в ближайшем контексте, например: *Но и тако трилѣтно искушеннаго безъ благословенія Архіерейскаго **не постригать**, но **да представитъ** онаго Архимандритъ, или Игумень... и сіе на письмѣ **дать свидѣтельство**, и **записать**: И тогда Епископъ поучивъ его, **благословитъ** пострици* (ДР, 91).

2.4. Употребление сослагательного наклонения

Глаголы в сослагательном наклонении, имеющие семантику долженствования, встречаются преимущественно в основном корпусе ДР, предшествующем «Прибавлению». Вероятно, эти формы использовались Ф. Прокоповичем на начальном этапе работы над текстом регламента. Так, в черновой редакции памятника глаголы в сослагательном наклонении наиболее частотны в первой половине текста, вместо них предлагаются замены на другие способы выражения сказуемого: изъявительное наклонение (с частицей *да* или без нее), реже инфинитивы (с модальными операторами или без них), например: *всеконечная нужда есть имѣти нѣкїя краткїя и простымъ челоувѣкомъ уразумительныя и ясныя книжицы, въ которыхъ бы содержалосѣ* (исправлено на *заклучитсѣ*. – М.Ш.) *все, что къ народному наставленїю доволно есть: И тыя бы книжицы прочитованы были* (исправлено на *прочитовать*. – М.Ш.), *по частемъ въ недѣльныя и праздничныя дни, въ церквь пред народомъ* (ЧДР, 37).

Типы замен и сокращение употребления сослагательного наклонения в последней части ДР могут свидетельствовать о выходе этой формы из системы глагольных средств делового языка, используемых для выражения императивности.

Употребление формы сослагательного наклонения в значении долженствования, вероятно, обусловлено влиянием делового языка предшествующих периодов. По сведениям, которые приводит М.А. Соколова, среди русских бытовых и деловых памятников XVI в. они используются в Стоглаве и Домострое для «выражения советов, желательности тех или иных поступков» [17. С. 70]. Такой способ выражения сказуемого может использоваться в однородном ряду с другими способами, например: *Наипачеже отъ пьянственнаго питїя воздержатисѣ и во пьянство бы не упивалисѣ и горячаго вина по монастыремъ не курити и не пити и хмельнаго питїя пив и едовъ не держати имъ* (Стогл. 107) (цит. по: [17. С. 72]). Среди церковнославянских деловых памятников XVII в. похожее употребление сослагательного наклонения наблюдается в «Деяниях московских соборов 1666 и 1667 годов». Приведем примеры: *А черны(х)¹ бы попо(в) и вдовы(х) в домѣхъ о(т)ню(д) не было і службы церковныя никоторыя по домо(м) и по мирски(м) церква(м) не служили о(т)ню(д) черныя попы і вдовыя бе(зу)казу* (Деяния: 46); *Пїянства бы в монашескомъ чинѣ не было, о томъ смотрити на крѣпко коегождо мона(с)тыря Архимандриту* (Деяния, 77 об.)².

¹ Примеры из указанного издания приводятся в упрощенной орфографии: выносные буквы заносятся в круглые скобки, титла не воспроизводятся, сокращения под титлами раскрываются.

² Возможная ориентация на предшествующую традицию может быть установлена исходя из следующего пассажа в «Прибавлении»: «Многая же о сихъ обрѣтаются и въ книгѣ Кормчей древле учиненная святыми правилами, и законами царскими уставленїя,

В то же время согласно данным, которые приводит М.А. Соколова, такая языковая особенность не характерна для Судебника 1550 г. По мнению исследователя, это обусловлено тем, что сказуемое, выраженное формой сослагательного наклонения, свойственно литературе дидактического содержания (к этому жанру М.А. Соколова относит как Домострой, так и Стоглав) и служит «для осуществления... основной направленности» этих памятников – «поучать и наставлять» [17. С. 70]. Судебник не содержит жанровых элементов дидактической литературы. Между тем формы сослагательного наклонения в значении долженствования нередко встречаются именно в деловых памятниках.

Согласно данным, которые приводит Л.А. Булаховский, в древнерусских памятниках отражено широкое и разнообразное употребление сослагательного наклонения в указанном значении [20. С. 306]. Оно подтверждается примерами из текстов разных жанров, среди которых следующие: «Духовные в. кн. Семена Ивановича. 1353 г.», «Письма вел. князя Василия Ивановича жене его Елене 1526–1530 и 1530–1532 гг.», «Дело о патриархе Никоне, № 39, 54, 66», Домострой, пословицы и поговорки. То же значение отмечает и С.Д. Никифоров, приводя примеры из актовых материалов и Домостроя [21. С. 139]. Кроме этого, он выделяет особое значение распоряжения, которое выражают формы сослагательного наклонения, используемые в царских грамотах, например: *И огня б в сухмень в городе одолично не было, а есте б в сухмень все варили за городом* (Акты исторические, т. 1. СПб., 1841); *А которые будет их монастырские всякие угодыя и рыбные ловли под монастырем, и вы б тех их угодеи и рыбных ловель на нас у монастыря не отписывали* (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии Наук, т. 1. СПб., 1836) (цит. по: [21. С. 140]). Об употреблении сослагательного наклонения в деловой письменности XIV–XVII вв. писала также И.Б. Кузьмина: «Сослагательное наклонение стало принятой формой выражения распоряжений в языке указных грамот, широко употребляется оно в той же функции в языке наказов, памятей, деловой переписки и т.п. Здесь при помощи форм сослагательного наклонения чаще всего выражается приказание или запрещение» [19. С. 124]. При этом рассмотренное явление имеет живую, разговорную основу [17. С. 70–71]. Оно не свойственно церковнославянским деловым памятникам, ориентированным на книжную традицию: формы сослагательного наклонения в значении долженствования отсутствуют в Кормчей книге.

также и въ соборномъ Святѣйшихъ Александрійскаго, Антіохійскаго и Московскаго Патріарховъ, и многихъ Греческихъ и всѣхъ Россійскихъ Архіереевъ изложейи, учненномъ въ лѣто мірозданія 7175, отъ Рождества же Христова 1667» (ДР, 101). Критическое отношение к возможным церковнославянским источникам ДР было выражено П.В. Верховским [3. Т. I. С. 490–491]. В настоящей статье памятники XVI–XVII вв. рассматриваются в качестве представителей жанровой традиции, к которой могут восходить язык и стиль исследуемого регламента.

В регламентирующих документах петровского времени сослагательное наклонение в значении долженствования также не используется. На это, в частности, указывают данные, которые приводят Д.В. Руднев и Н.В. Пушкарева [16]. Вероятно, с этим связан характер правки в «Духовном регламенте», в ходе которой сослагательное наклонение выходит из системы средств, выражающих императивность.

Выводы

Язык «Духовного регламента», судя по общему анализу используемых в нем грамматических и лексических средств, характеризуется широким употреблением церковно-книжных элементов и устранением архаичных церковнославянских явлений. Ориентация на книжную традицию наблюдается и в репертуаре глагольных форм, используемых в этом памятнике для выражения императивности. На это указывает в первую очередь стабильное использование в тексте ДР формы настоящего и будущего времени глаголов с частицей *да*, в литературе предшествующих эпох встречающихся в памятниках, в которых распространены книжно-славянские элементы. Употребление сослагательного наклонения в ДР резко сокращается в «Прибавлении к Духовному регламенту». Одной из вероятных причин этого процесса является то, что оно не было свойственно церковнославянским деловым памятникам, ориентированным на книжную традицию (например, отсутствует в Кормчей книге). Влияние церковно-книжной традиции наблюдается и в характере употребления модальных операторов при инфинитивах (например, лексема *подобать*), который отличается от светских регламентов петровского времени. В то же время широкое употребление инфинитивных предложений в ДР может свидетельствовать о влиянии последних на язык этого сочинения.

Сравнительно-сопоставительное исследование основного корпуса «Духовного регламента» и «Прибавления» позволило выявить тенденцию к сокращению репертуара глагольных форм и модальных операторов при инфинитивах, используемых для выражения императивности, и активизацию одиночных инфинитивов. При этом среди личных предложений преобладающими стали сказуемые, выраженные с помощью форм настоящего и будущего времени с частицей *да*, а также составные глагольные сказуемые.

В целом язык «Духовного регламента», как и его содержание, отличает его от других регламентов петровского времени, подтверждая этим особое положение самого памятника и Православной церкви в системе государственного управления. В следующую эпоху эта ситуация, вероятно, меняется, так как, по замечанию О.В. Никитина, «с середины 1730-х годов наблюдается постепенное “огосударствление” церковной деловой письменности в результате ослабления роли Церкви в обществе, ее подчинения государственным интересам» [22. С. 48].

Источники примеров

- Деяния – Деяния московских соборов 1666 и 1667 годов. М., 1893.
КК – Кормчая. М., 1653.
ЧДР – Черной Духовной Регламент // Верховской П.В. Учреждение Духовной коллегии и «Духовный регламент». Т. 2. Ростов н/Д, 1916. С. 26–76, 83–105.

Список источников

1. *Бородкина Н.Н.* Церковь, общество и государство в эпоху Петра Великого. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1997. 604 с.
2. *Крашенинникова О.А.* «Духовный регламент» (1721) Феофана Прокоповича как полемическое сочинение // Очерки истории русской публицистики XVIII века. М. : ИМЛИ РАН, 2017. С. 171–194.
3. *Верховской П.В.* Учреждение Духовной коллегии и «Духовный регламент» : в 2 т. Ростов н/Д, 1916.
4. *Живов В.М.* Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М. : Новое лит. обозрение, 2004. 355 с.
5. *Павлушков А.Р.* Церковные наказания и трансформация судебной юрисдикции церкви в первой четверти XVIII века // Право, экономика и управление: от теории к практике : сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / гл. ред. Г.Н. Петров. Чебоксары, 2020. С. 201–204.
6. *Анисимов Е.В.* Духовный регламент // Православная энциклопедия. 2007. Т. 16. С. 433–435.
7. *Суворов Н.С.* Курс церковного права : в 2 т. Т. 1. Ярославль, 1889. 369 с.
8. *Мельников Д.В.* «Духовный регламент» в творчестве свт. Тихона Задонского и становление русского языка // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 1. С. 42–46.
9. *Бугаева И.В.* Современное состояние изучения языка религиозной сферы // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы XIII конгресса МАПРЯЛ, Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г. : в 15 т. Т. 6. СПб., 2015. С. 72–76.
10. *Крысин Л.П.* Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М. : Языки славянской культуры, 2004. 883 с.
11. *Шмелев А.Д.* Языковые особенности различных видов религиозного дискурса // Язык в движении: к 70-летию Л.П. Крысина / отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук и др. М., 2007. С. 612–621.
12. *Шляхова Н.А.* Полевая структура религиозного дискурса // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2014. № 4 (17). С. 80–91.
13. *Живов В.М.* Язык Феофана Прокоповича и роль гибридных вариантов церковнославянского в истории славянских литературных языков // Советское славяноведение. 1985. № 3. С. 70–85.
14. *Кутина Л.Л.* Феофан Прокопович. Слова и речи. Проблема языкового типа // Язык русских писателей XVIII века / отв. ред. Ю.С. Сорокин. Л., 1981. С. 7–46.
15. *Кутина Л.Л.* Феофан Прокопович. Слова и речи. Лексико-стилистическая характеристика // Литературный язык XVIII в. Проблемы стилистики / отв. ред. Ю.С. Сорокин. Л., 1982. С. 5–51.
16. *Руднев Д.В., Пушкарева Н.В.* Регламенты петровского времени в аспекте императивности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20, № 4. С. 36–49.
17. *Соколова М.А.* Выражение волеизъявления в русских бытовых и деловых памятниках XVI века // Ученые записки ЛГУ. Сер. филологических наук. 1952. № 161, вып. 18. С. 52–79.

18. *Историческая грамматика русского языка: Синтаксис* : [в 2 кн. Кн. 1:] Простое предложение / под ред. В.И. Борковского. М. : Наука, 1978. 447 с.
19. Кузьмина И.Б. Употребление глагольных форм в побудительных предложениях в русском языке XI–XVII вв. // Труды Института языкознания АН СССР. 1954. Т. 5. С. 81–138.
20. Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Т. 2. Киев : Рад. школа, 1953. 436 с.
21. Никифоров С.Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М. : Изд-во АН СССР, 1952. 344 с.
22. Никитин О.В. Деловой язык и литературные тексты XV–XVIII вв. М. : Изд-во МГОУ, 2004. 323 с.

References

1. Borodkina, N.N. (1997) *Tserkov', obshchestvo i gosudarstvo v epokhu Petra Velikogo* [Church, society and state in the era of Peter the Great]. Saratov: Saratov State University.
2. Krashennikova, O.A. (2017) “Dukhovnyy reglament” (1721) Feofana Prokopovicha kak polemicheskoe sochinenie [“Spiritual Regulations” (1721) by Feofan Prokopovich as a polemical essay]. In: Bludilina, N.D. (ed.) *Ocherki istorii russkoy publitsistiki 18 veka* [Essays on the history of Russian journalism 18th century]. Vol. 1. Moscow: IMLI RAS. pp. 171–194.
3. Verkhovskoy, P.V. (1916) *Uchrezhdenie Dukhovnoy kollegii i “Dukhovnyy reglament”*: v 2 t [Establishment of the Spiritual College and “Spiritual Regulations”: in 2 volumes]. Rostov-on-Don: Novoe vremya.
4. Zhivov, V.M. (2004) *Iz tserkovnoy istorii vremen Petra Velikogo: Issledovaniya i materialy* [From the Church History of the Times of Peter the Great: Research and Materials]. Moscow: Novoe literaturnoye obozrenie.
5. Pavlushkov, A.R. (2020) Church punishments and the transformation of the judicial jurisdiction of the church in the first quarter of the 18th century. *Pravo, ekonomika i upravlenie: ot teorii k praktike* [Law, Economics and Management: From Theory to Practice] Proceedings of the All-Russian Conference with International Participation. Cheboksary: Sreda. pp. 201–204. (In Russian).
6. Anisimov, E.V. (2007) Dukhovnyy reglament [Spiritual regulations]. In: Patriarch of Moscow and All Russia Aleksiy 2 (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 16. pp. 433–435.
7. Suvorov, N.S. (1889) *Kurs tserkovnogo prava: v 2 t* [The course of church law: in 2 vols]. Vol. 1. Yaroslavl: G. Fal'k.
8. Mel'nikov, D.V. (2019) “Spiritual regulations” in St. Tikhon Zadonsky’s works and the formation of the Russian language. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*. 1. pp. 42–46. (In Russian).
9. Bugaeva, I.V. (2015) The current state of the study of the language of the religious sphere. *Russkiy yazyk i literatura v prostranstve mirovoy kul'tury* [Russian language and literature in the space of world culture]. In 15 vols. Vol. 6. Proceedings of the 13th Congress of MAPRYAL. Granada. 13-20 September 2015. Saint Petersburg: MAPRYaL. pp. 72–76. (In Russian).
10. Krysin, L.P. (2004) *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike* [Russian Word, Own and Alien: Studies in the Modern Russian Language and Sociolinguistics]. Moscow: Yazyk slavyanskoy kul'tury.
11. Shmelev, A.D. (2007) Yazykovye osobennosti razlichnykh vidov religioznogo diskursa [Linguistic features of various types of religious discourse]. In: Zemskaya, E.A. & Kalenchuk, M.L. (eds) *Yazyk v dvizhenii: k 70-letiyu L.P. Krysin* [Language in motion: to the 70th anniversary of L.P. Rat]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 612–621.

12. Shlyakhova, N.A. (2014) Field structure of religious discourse. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva – Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatischev*. 4 (17). pp. 80–91. (In Russian).

13. Zhivov, V.M. (1985) Yazyk Feofana Prokopovicha i rol' gibridnykh variantov tserkovnoslavyanskogo v istorii slavyanskikh literaturnykh yazykov [The language of Feofan Prokopovich and the role of hybrid variants of Church Slavonic in the history of Slavic literary languages]. *Sovetskoe slavyanovedenie*. 3. pp. 70–85.

14. Kutina, L.L. (1981) Feofan Prokopovich. Slova i rechi. Problema yazykovogo tipa [Feofan Prokopovich. Words and speeches. The problem of language type]. In: Sorokin, Yu.S. (ed.) *Yazyk russkikh pisateley 18 veka* [Language of Russian writers of the 18th century]. Leningrad: Nauka. pp. 7–46.

15. Kutina, L.L. (1982) Feofan Prokopovich. Slova i rechi. Leksiko-stilisticheskaya kharakteristika [Feofan Prokopovich. Words and speeches. Lexico-stylistic characteristics]. In: Sorokin, Yu.S. (ed.) *Literaturnyy yazyk 18 v. Problemy stilistiki* [Literary language of the 18th century. Problems of style]. Leningrad: Nauka. pp. 5–51.

16. Rudnev, D.V. & Pushkareva, N.V. (2021) Regulations of Peter the Great in the aspect of imperativeness. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 20 (4). pp. 36–49. (In Russian).

17. Sokolova, M.A. (1952) Vyrazhenie voleiz'yavleniya v russkikh bytovykh i delovykh pamyatnikakh 16 veka [Expression of will in Russian household and business monuments of the 16th century]. *Uchenye zapiski LGU. Seriya filologicheskikh nauk*. 161 (18). pp. 52–79.

18. Borkovskoy, V.I. (1978) *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Sintaksis: v 2 kn* [Historical grammar of the Russian language: Syntax: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

19. Kuz'mina, I.B. (1954) Upotreblenie glagol'nykh form v pobuditel'nykh predlozheniyakh v russkom yazyke 11–17 vv [The use of verb forms in imperative sentences in Russian in the 11th–17th centuries]. In: *Trudy Instituta yazykoznaniya AN SSSR* [Proceedings of the Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR]. Vol. 5. Moscow: The Academy of Sciences of the USSR. pp. 81–138.

20. Bulakhovskiy, L.A. (1953) *Istoricheskiy kommentariy k russkomu literaturnomu yazyku* [Historical commentary on the Russian literary language]. Vol. 2. Kyiv: Radyans'ka shkola.

21. Nikiforov, S.D. (1952) *Glagol, ego kategorii i formy v russkoy pis'mennosti vtoroy poloviny 16 veka* [The verb, its categories and forms in Russian writing in the second half of the 16th century]. Moscow: The Academy of Sciences of the USSR.

22. Nikitin, O.V. (2004) *Delovoy yazyk i literaturnye teksty 15–18 vv.* [Business language and literary texts of the 15th–18th centuries]. Moscow: Moscow Region State University.

Информация об авторе:

Шарихина М.Г. – канд. филол. наук, научный сотрудник отдела «Словарь языка М.В. Ломоносова» Института лингвистических исследований Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: justmilya@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Miliausha G. Sharikhina, Cand. Sci. (Philology), researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: justmilya@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.12.2021;
одобрена после рецензирования 19.04.2022; принята к публикации 05.05.2022.*

*The article was submitted 23.12.2021;
approved after reviewing 19.04.2022; accepted for publication 05.05.2022.*